

Муж ушел в 1941 году навеки. Миритиницы – село бывшее место прибойное, и в 1941–1944 стояли немцы. Я их очень боялась, у меня брат работал в Эстонии в НКВД, боялась, дознаются. Как идут, я так и думала: «За мной, за мной!». Немцы расстреливали только посторонних, а своих, миритиницких, не трогали.

Партизаны были, а имели они связь с фронтом или не имели – дело секретное, если бы не партизаны, то гиблое бы дело наше. Партизаны сожгли молокозавод, склад около прудки; хлеб немец собрал – партизаны весь сожгли, про склад говорили, две девушки сожгли. Я не знаю, меня тогда не было, шерсть чесала за озером. Увидела дым, испугалась, дома дети брошены, тогда бензином печь растопляли, думала, плеснули, а оно и полыхнуло, хоть и заказано было. Когда на гору забежала, увидела, что не у нас горит, а дальше. Две девочки сожгли склад, видно, неопытные, вернулись на пожарище, а там старшина лошадь запрягал. Увидел: «Ах, вы партизанки!». Закрутили руки и отправили в Локню, понятно, не на добро.

Стучали тогда в ту ночь два мальчика, голос не детский, но и не мужской, но я не пустила, говорю: «Идите, где мужчины, а я не могу пустить». Видно, подсланы были от партизан [узнать о девушках]. А потом стали наезжать к нам партизаны, сильно трясли нас, мы и выдали старшину. Кто ж знал, куда он спрятался, говорят, что у меня во льну у бани был, я-то не знала. Потом поймали его у любовницы: она его спрятала в подвале. Потом партизаны расстреляли на развилке у мастерских старшину, любовницу и ещё третьего.

(Старшина вредный был?)

Вредный! У меня в сердцах старшую дочь шестнадцати лет в Германию угнал. Осталась я с тремя малолетними, убежала с ними к отцу за озеро.